
**ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА
ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ
THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES
OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY**

УДК 343.2/.7

DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(1).173-184

**НЕОКОНЧЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ГУМАНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА***

В.Ф. Лапшин¹, Р.В. Килимбаев²

¹ Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Россия

² Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

11 сентября 2020 г.

Дата принятия в печать –

15 января 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

15 апреля 2021 г.

Ключевые слова

Уголовная политика,
гуманизация, уголовное
законодательство,
противодействие преступности,
неоконченное преступление,
приготовление к совершению
преступления, принципы
уголовного права,
декриминализация

Статья представляет собой комплексное обоснование необходимости пересмотра положений уголовного закона об ответственности за неоконченное преступление. Отмечается, что действия, квалифицируемые в настоящее время как приготовление к преступлению, в действительности не содержат в себе признаков состава преступления, а сводятся лишь к намерению совершить его в будущем. В этой связи декриминализация preparatory actions может обеспечить приведение в соответствие содержания института неоконченного преступления основным принципам уголовного права, а также будет способствовать повышению эффективности и результативности процесса гуманизации уголовного законодательства как направлению современной российской уголовной политики.

**INCOMPLETE CRIME AS AN OBJECT OF HUMANIZATION
OF THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION****

Valeriy F. Lapshin¹, Roman V. Kilimbaev²

¹ Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

² The Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

Article info

Received –

2020 September 11

Accepted –

2021 January 15

Available online –

2021 April 15

The subject. The article is devoted to the problems of simultaneous harmonization between the policy of humanization of the Russian criminal law and the reduction of the crime rate in society. The institute of incomplete crime is proposed as one of the promising areas of humanization of criminal legislation. The authors analyze the norms of the Russian Criminal Code which determine the essence of an incomplete crime, as well as the specifics of imposing punishment for its commission. The subject of the research also includes the strategic provisions of the Russian legislation, which reflect the main directions of the implementation of contemporary criminal policy, its goal and objectives.

* Исследование подготовлено при поддержке Югорского государственного университета (Россия, г. Ханты-Мансийск).

** This research is funded by the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia.

Keywords

Criminal policy, humanization, criminal legislation, crime prevention, incomplete crime, preparation for committing a crime, principles of criminal law, decriminalization

The purpose of the article is to confirm or dispute hypothesis that it is inadmissible to criminalize the actions committed at the stage of preparation for the commission of an intentional crime, as well as it is admissible to mitigate the liability for attempted crime.

Research methodology and techniques are represented by a number of general scientific and specific scientific methods of cognition, used primarily in humanitarian research. The establishment of regularities between the growth of crime rates and the degree of criminalization, determined in the current criminal legislation, is ensured by the use of the dialectical method of cognition. The methods of analysis and synthesis were used to compare statistical data on the state of crime in Russia and the dynamics of the number of convicts serving imprisonment. Various methods of formal logic were applied in the process of evaluating measures aimed at ensuring the humanization of modern Russian criminal legislation. The method of comparative legal research was used to study the content of the norms on responsibility for an incomplete crime.

The result of the study is proof of the necessity to decriminalize actions that are currently defined as "preparation for the commission of a grave or especially grave crime." The necessity of a significant reduction in the degree of punitive criminal-legal impact on persons found guilty of an attempt to commit an intentional crime has been substantiated.

Conclusions. It is expedient to partially decriminalize an incomplete crime and exclude this institution from the General Part of the Russian Criminal Code. This decision fully complies with the fundamental principles of criminal law: legality, guilt, justice, and will also ensure the effectiveness of the implementation of the modern policy of humanizing Russian criminal legislation.

1. Введение

Одним из главных направлений современной российской правовой политики является гуманизация уголовного законодательства. Идея смягчения уголовно-правового воздействия для достижения положительных результатов в борьбе с преступностью достаточно популярна во многих странах мирового сообщества [1, р. 255–269; 2].

По мнению многих исследователей, принятый в 1996 г. Уголовный кодекс России (далее – УК РФ) должен был стать одним из главных средств решения проблемы чрезвычайного роста уровня преступности, вызванного распадом СССР и существенным ослаблением государственной власти [3, с. 25]. Криминализация ранее неизвестных советскому обществу посягательств, установление за их совершение видов наказаний, существенно отличающихся друг от друга по степени правоограничительного воздействия, аморфность содержания отдельных видов уголовных наказаний, неизвестных советскому уголовному праву, равно как и отсутствие условий для исполнения некоторых вводимых уголовных наказаний – все это являлось особенностями нового российского уголовного закона [4, с. 95–97].

Однако уже через десять лет действия УК РФ стала очевидна необходимость пересмотра многих его положений. В числе главных причин возникновения такой потребности называлось существенное

увеличение количества лиц, отбывающих реальное лишение свободы за различные преступления, включая и те, которые не представляют серьезной общественной опасности. Действительность данной проблемы признавалась и учеными [5, с. 91–93; 6, с. 123], и представителями руководства высших органов государственной власти. Так, первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ в одном из своих выступлений указал, что к 2008 г. количество лиц, находящихся в местах лишения свободы, достигло критических значений. По официальным данным, за период с 1992 по 2007 год осуждено 15 млн человек, из которых более 5 млн – к реальному лишению свободы, тогда как в годы, предшествующие распаду Советского Союза, аналогичный показатель составлял не более 2,5 млн человек. Исходя из этого по состоянию на 2007 г. приблизительно каждый десятый гражданин России привлекался к уголовной ответственности, а каждый 28-й – отбывал наказание в пенитенциарных учреждениях¹. Заявления о суровости уголовной политики тех лет озвучивались и руководством уголовно-исполнительной системы России². В то же время строгость применяемых наказаний, как и во всем цивилизованном мире [7, р. 290–304], не приводила к желаемым результатам: количественные показатели преступности в России не снижались, тогда как степень социальной криминализации возрастала в связи с приобщением значи-

¹ Радченко В. И. Хорошо сидим // Российская газета. 2008. 2 сент.

² Калинин Ю. И. Расплатиться за неволю // Российская газета. 2008. 17 сент.

тельной части общества к криминальной субкультуре в местах лишения свободы.

Складывающаяся ситуация предупреждения российской преступности стала свидетельством тому, что уголовно-правовое воздействие, в том числе сопряженное с изоляцией осужденного от общества, не во всех случаях обеспечивает общую и частную превенцию, а иногда приводит к противоположным результатам [8, с. 76]. На этом основании уже с начала XXI в. в России формируется новая уголовная политика, целью которой становится уменьшение количества осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, что обеспечит сокращение количества повторно совершаемых преступлений. Одним из средств достижения указанной цели была официально признана гуманизация действующего уголовного законодательства.

2. Методология исследования

В процессе проведения исследования комплексно были применены несколько методов, присущих для гуманитарных наук. Так, диалектический метод научного познания был использован при установлении закономерностей между ростом показателей преступности и степенью криминализации, определяемой в действующем уголовном законодательстве. Методы анализа и синтеза были использованы при сопоставлении статистических данных о состоянии преступности в России и динамики количества осужденных, отбывающих лишение свободы. Различные методы формальной логики применялись в процессе оценки мер, направленных для обеспечения гуманизации современного российского уголовного законодательства. Метод сравнительно-правового исследования применялся при оценке соответствия положений законодательства об ответственности за приготовление к совершению преступления тем требованиям, которые составляют сущность уголовно-правовых принципов законности, вины, справедливости, а равно положениям об основании уголовной ответственности.

3. Содержание политики гуманизации российского уголовного законодательства

С 2011 г. в России стали реализовываться комплексные меры уголовного и уголовно-исполнительного характера, направленные на смягчение мер государственного принуждения за совершение преступления. Одним из первых нормативных актов,

определивших общее направление гуманизации уголовного законодательства в целом, является Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция)³ [9, с. 15–17]. Политико-правовое значение данного документа переоценить невозможно: на высшем уровне государственной власти был признан факт стабильно возрастающей численности осужденных, находящихся в пенитенциарных учреждениях. В качестве одной из причин возникновения подобной ситуации называлось сохранение приемов и методов функционирования уголовно-исполнительной системы, многие из которых показали свою эффективность в условиях советского общества, но оказались не востребованными в демократическом государстве с рыночной экономикой [10, с. 131–136].

Учитывая данные обстоятельства, в Концепции в качестве одной из целей обозначалось сокращение числа повторно совершаемых преступлений лицами, которые ранее отбывали наказание в виде лишения свободы. В сущности, это единственная цель, достижение которой могла в большей степени обеспечить уголовно-исполнительная система. Добиться сокращения количественных показателей преступности можно различными, в том числе и формальными, путями: отказ от регистрации совершенных преступлений, масштабная декриминализация запрещенных уголовным законом деяний, частое применение амнистий для различных категорий обвиняемых и осужденных. Все это окажет прямое влияние на снижение официальных показателей преступности, включая количество лиц, отбывающих уголовное наказание в пенитенциарных учреждениях. Однако эти меры не улучшат, а усугубят криминогенную ситуацию внутри общества [11, с. 3–4; 12, с. 36], а потому по прошествии незначительного периода общество столкнется с еще большей проблемой противодействия преступности, качественные характеристики которой будут только увеличиваться. На основании этого уголовно-исполнительная система должна была решить ряд перечисленных в гл. 2 Концепции задач по обеспечению гуманизации процесса исполнения наказаний, как связанных, так и не связанных с изоляцией от общества. Приоритет в методах уголовно-исполнительной деятельности отдавался социальной и психологической работе с осужденными в целях ресоциализации последних как

³ См.: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 октября

2010 г. № 1772-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

в процессе исполнения, так и после отбытия уголовного наказания.

В настоящее время задачи, поставленные перед уголовно-исполнительной системой, уточнены проектом Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, где социальная и психологическая работа с осужденными в целях их ресоциализации является не только приоритетным, но и инновационным направлением. Так, в сфере психологической и воспитательной работы с осужденными указанная концепция предусматривает разработку и использование индивидуальных комплексных программ ресоциализации осужденных, разработку типовых программ психологического сопровождения, ориентированных на оказание исправительного воздействия на осужденных с использованием новых психотехнологий⁴ [13, с. 5–11; 14, с. 73, 75] и др.

Несмотря на то, что уголовно-исполнительная система является одним из ключевых субъектов противодействия преступности, ее возможности объективно ограничиваются возложенными функциями, не предполагающими законодательное решение вопросов о криминализации и пенализации деяний, причиняющих вред сложившимся в обществе отношениям. Вот почему принятие Концепции в полной мере не могло удовлетворить потребность общества в программном документе, регламентирующем процесс изменения уголовного законодательства. Обращает на себя внимание то, что до настоящего времени не принят подобный нормативный акт стратегического значения, хотя изменения и дополнения в УК РФ вносятся довольно часто и несистемно.

С соответствующими предложениями в 2013 г. выступила Общественная палата России, разместив на своем официальном сайте проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации⁵. Предложенная концепция определялась в качестве программного документа, в соответствии с которым должно осуществляться совершенствование уголовного законодательства, а также оцениваться эффективность практики его применения. В качестве одной из целей применения указанной концепции заявлено снижение социальной напряженности путем разрешения на справедливых началах социального

конфликта, возникшего в результате совершенного преступления.

Достижение заявленной цели, равно как и иных перечисленных в п. 5 указанной концепции целей, предполагалось достичь путем:

- фиксации в УК РФ запрета на расширительное толкование положений, в соответствии с которыми общественно опасное деяние признается преступным;

- определения соразмерности между уголовно-правовым негативным воздействием и тяжестью совершенного преступления;

- пересмотра системы уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия для повышения эффективности реализации их карательного, восстановительного и превентивного потенциала и др.

Особое внимание было обращено на требования, которые предъявляются к модернизации уголовного законодательства (п. 11). В частности, основания и пределы ответственности за неоконченную преступную деятельность необходимо пересмотреть в части устранения общего правила наказуемости приготовительной к совершению преступления деятельности как не обладающей достаточной общественной опасностью для применения мер уголовно-правового принуждения.

Соглашаясь с таким мнением разработчиков Концепции, отметим также, что положения уголовного законодательства, регламентирующие институт неоконченного преступления, не претерпели ни одного изменения с момента принятия УК РФ в 1996 г. Однако это далеко не означает, что нормы о неоконченном преступлении представляют собой безупречный уголовно-правовой институт.

Так, неоконченное преступление подменяется содержанием стадий преступной деятельности, что прямо следует из ч. 2 ст. 29 УК РФ: «неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление». Подобное указание отождествляет категорию «преступление», пусть и неоконченное, с этапами осуществления преступной деятельности – приготовлением и покушением, что, на наш взгляд, по меньшей мере, не логично.

⁴ См.: Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 г. № 2808-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 2 (Ч. II). Ст. 413.

⁵ См.: Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации, разработанная Общественной палатой Российской Федерации. М., 2013. URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 07.09.2020).

Наряду с этим любое деяние, представляющее собой приготовление к преступлению, не способно навредить охраняемым законом общественным отношениям (если, конечно, в нем нет состава уже оконченного преступления). Так, например, наточив топор для последующего убийства или изготовив отмычку для вскрытия замка квартиры в целях последующего хищения, лицо еще не причиняет вреда охраняемым объектам. Более того, лицо впоследствии может вообще отказаться от совершения данных преступлений. И, тем не менее, закон подобное поведение признает уголовно-наказуемым.

Обращает на себя внимание и отсутствие должной дифференциации уголовной ответственности в части формулирования правил о назначении наказания за неоконченное преступление. Так, согласно ч. 2 и 3 ст. 66 УК РФ при назначении наказания за неоконченное преступление обязательно ограничению подлежит лишь только наиболее строгий вид наказания, предусмотренный соответствующей статьей. Таким образом, если за кражу с проникновением в жилище и покушение на аналогичное преступление по каким-либо причинам не назначается лишение свободы (как наиболее строгое по санкции), то формально за указанные деяния можно назначить равные наказания, или даже за оконченное преступление можно назначить более мягкое наказание, чем за аналогичное неоконченное.

Однако разработанная Общественной палатой РФ Концепция об уголовно-правовой реформе не приобрела юридической силы, а иные альтернативные акты стратегического значения не разрабатывались. В связи с этим в настоящее время не представляется возможным предположить, какие сферы уголовно-правового регулирования станут объектом законодательных решений, направленных на обеспечение гуманизации уголовного законодательства.

К сожалению, российское уголовное законодательство нестабильно. Уголовный закон регулярно пересматривается, а также дополняется новыми положениями, в том числе связанными с корректировкой условий криминализации общественно опасных деяний, установлением новых видов уголовных наказаний, определением оснований для освобождения от уголовной ответственности и др. Однако ввиду отсутствия планомерно проводимой государственной политики гуманизации действующее законодательство меняется преимущественно фрагмен-

тарно и непоследовательно. На данную особенность уже давно было обращено внимание в научной литературе: среди исследователей наблюдается полное единодушие относительно неудовлетворительной российской уголовной политики, проводимой с начала XXI в. [15, с. 15; 16, с. 3; 17, с. 24–35; 18, с. 36].

4. Критический анализ направлений реализации политики гуманизации уголовного законодательства

Анализ имеющихся на сегодняшний день результатов проводимой уголовной политики в России позволяет выделить несколько основных путей обеспечения заявленной гуманизации уголовного законодательства. Прежде всего законодателем осуществляется полная или частичная декриминализация деяний, ответственность за совершение которых устанавливалась УК РФ на момент вступления его в силу. Так, к настоящему времени полностью декриминализованы такие деяния, как: оскорбление (ст. 130 УК РФ), контрабанда (ст. 188 УК РФ), обман потребителей (ст. 200 УК РФ) и др. Соответствующие виды посягательств признаны правонарушениями, ответственность за совершение которых установлена преимущественно административным законодательством.

Наибольшее распространение получила частичная декриминализация, суть которой заключается в дополнении составов преступлений криминально-образующими юридически значимыми признаками или уточнении содержания уже существующих признаков. В целом данная деятельность существенно сокращает возможности уголовно-правового реагирования на совершение соответствующих деяний. Так, некоторые из них в настоящее время могут рассматриваться в качестве уголовно-наказуемых только при условии наличия административной преюдиции, которая изначально отвергалась разработчиками российского уголовного закона. Регулярное увеличение абсолютных величин, используемых при описании криминально-образующих признаков отдельных составов преступлений, определяемых как «крупный размер», «крупный ущерб» и др., также является примером частичной декриминализации общественно опасных деяний [19, с. 110–111].

Еще один вариант декриминализации предложен Верховным Судом РФ⁶, который сводится к введению в современное уголовное законодательство категории «уголовный проступок», под которым

⁶ См.: О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального

закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс

предлагается считать те виды запрещенных уголовным законом деяний, которые не представляют существенной общественной опасности, характерной для преступления. Результатом данного нововведения должно стать сокращение возможности применения лишения свободы за совершение преступлений небольшой тяжести, а равно отказ от применения некоторых иных правоограничительных мер уголовно-правового и уголовно-процессуального воздействия [20, с. 27–31; 21, с. 74].

По оценкам некоторых специалистов, декриминализация общественно опасных деяний не может обеспечить целей, которые преследуются государственной политикой гуманизации уголовного законодательства. В большинстве случаев вопрос об исключении из уголовного закона деяний, не имеющих должной общественной опасности, решается отрицательно. Напротив, с 2003 года в УК РФ включено значительное количество норм об ответственности за преступления небольшой или средней тяжести, хотя социально-правовое обоснование данных решений часто вызывает справедливую критику в научной литературе [22, с. 155–178]. На основании этого декриминализация отдельных общественно опасных деяний осуществляется крайне медленно и непоследовательно, как и гуманизация уголовного законодательства в целом.

Самостоятельным направлением политики уголовно-правовой гуманизации стало сокращение установленных в санкциях статей Особенной части УК РФ верхних и нижних границ уголовных наказаний. Наиболее значительные новшества в этой части были предусмотрены Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, которые по оценкам специалистов признаны наиболее неудачными. Попытка законодателя смягчить санкции многих норм Особенной части УК РФ в действительности привела к нарушению правил дифференциации уголовной ответственности, осуществляемой на основе различной общественной опасности преступлений. Так, после вступления указанного Федерального закона в силу, например, за все виды умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в том числе повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, стало возможным назначить лишение свободы на минимальный – двухмесячный –

срок (ч. 1–4 ст. 111 УК РФ). Это позволяет указать на имеющее место явное несоответствие общественной опасности деяния тому наказанию (срок лишения свободы), назначение которого возможно при вынесении обвинительного приговора. Аналогичные законодательные просчеты имеют место практически в каждой главе Особенной части УК РФ, поэтому реализованная таким образом гуманизация уголовного законодательства вступает в противоречие с содержанием принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) и не может оказать положительного влияния на предупреждение преступности: безнаказанность преступной деятельности, равно как и чрезмерная мягкость уголовного наказания, только способствуют совершению новых преступлений [23, с. 79; 24, pp. 101–103].

Наконец, еще одним из направлений политики гуманизации уголовного законодательства является увеличение числа наказаний, не предполагающих изоляцию осужденного от общества. Отдельные исследователи рассматривают данные наказания в качестве альтернативы лишению свободы [25, с. 134], что не совсем верно с формально-юридической точки зрения. Каждый вид уголовного наказания, применяемого в качестве основного за совершенное преступление, не может признаваться альтернативным видом другому основному наказанию. В противном случае подобная взаимозаменяемость ставит под сомнение наличие признака системности наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ. Исключением можно признать только принудительные работы, поскольку данный вид наказания объявлен законодателем в качестве альтернативы лишению свободы (ст. 53.1 УК РФ).

С момента принятия УК РФ и по настоящее время система уголовных наказаний включает в себя преимущественно те виды, которые не предполагают изоляцию осужденного от общества. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ УК РФ дополнен также принудительными работами – наказанием, не предполагающим изоляцию от общества и применяемым в качестве альтернативы лишению свободы. Все это свидетельствует о стремлении государства сократить применение лишения свободы, создав условия для исполнения иных видов уголовных наказаний, которые не предполагают изоляцию осужденного [26, с. 130–131].

Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 октября 2017 г. № 42. URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=517495#0613473341626338> (дата обращения: 07.09.2020).

Однако асимметричность соотношения наказаний, связанных и не связанных с изоляцией от общества, в пользу последних имеет второстепенное значение для достижения результатов политики гуманизации. Изменение системы уголовных наказаний принципиально не повлияет на результаты проводимой политики гуманизации без сокращения количества деяний, за совершение которых устанавливается уголовная ответственность. Пересмотр критериев определения общественной опасности некоторых запрещенных уголовным законом деяний является первостепенной задачей осуществления гуманизации уголовного законодательства. К сожалению, анализ изменений и дополнений УК РФ свидетельствует о наличии противоположных тенденций. С 2011 г. было декриминализовано шесть видов общественно опасных деяний, в то же время включено 83 нормы об ответственности за ранее неизвестные уголовному закону преступления, из которых: небольшой тяжести – 52, средней тяжести – 18, тяжких – 9, особо тяжких – 4, то есть при проведении политики гуманизации уголовного законодательства в 84% случаев вводились нормы об ответственности за преступления, относящиеся к категориям небольшой или средней тяжести (при подсчете учитывались только деяния, содержащие в себе признаки основного состава преступления). Отсюда следует, что декриминализация некоторых видов общественно опасных посягательств явно уступает в количественном отношении криминализации деяний, которые в подавляющем большинстве случаев не могут характеризоваться значительной общественной опасностью. В связи с этим нельзя ожидать ощутимых результатов в виде снижения количества лиц, приговоренных к лишению свободы за совершение преступлений небольшой или средней тяжести.

Из этого следует, что законодатель в действительности не стремится к существенному пересмотру содержания Особенной части УК РФ и исключения значительного количества норм, устанавливающих ответственность за преступления небольшой или средней тяжести. Думается, что для этого имеются свои причины, связанные с противодействием преступности в современном российском обществе. Однако проблема увеличения числа граждан, привлекаемых к уголовной ответственности, в том числе за преступления, которые не имеют значительной

общественной опасности, по-прежнему требует своего решения, а потому не теряет свою важность и значимость научный поиск новых направлений гуманизации уголовного законодательства. Объективность вывода о нерешенности проблемы противодействия преступности подтверждается и данными официальной статистики: количество лиц, содержащихся в пенитенциарных учреждениях уголовно-исполнительной системы, на состоянию на 1 мая 2020 года составило 511030 чел., что не превышает 66,8 % от аналогичного показателя 2011 года⁷. Несмотря на столь значительное снижение количества заключенных, общие показатели состояния преступности в России снизились только на 16 %⁸. Поэтому наиболее перспективным направлением гуманизации уголовного законодательства является определение не представляющих существенной общественной опасности групп преступлений, декриминализация которых не повлечет за собой возникновения пробела в российском уголовном законодательстве.

5. Пересмотр оснований для дифференциации уголовной ответственности за неоконченное преступление как перспективное направление гуманизации уголовного законодательства

Определенный резерв для решения данного вопроса может представлять институт неоконченного преступления. Правомерность и целесообразность установления ответственности за совершение деяния, не содержащего в себе всех признаков состава преступления и не доведенного до юридического окончания по независящим от лица обстоятельствам, были предметом многочисленных научных исследований, проводимых российскими и зарубежными учеными, начиная со второй половины XIX века [27, pp. 623–634]. В настоящее время неоконченное преступление является одним из немногих институтов современного уголовного права, который не претерпел никаких изменений с момента принятия действующего уголовного закона. При этом некоторые положения гл. 6 УК РФ не без основания вызывают критические замечания, высказываемые и обосновываемые в уголовно-правовой литературе [28, с. 24–29].

Прежде всего следует обратить внимание на двойственность содержания неоконченного преступления – им признается деяние, которое может быть прервано по независящим от лица обстоя-

⁷ См.: ФСИН России / Статистические данные. URL: <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения: 07.09.2020).

⁸ См.: МВД России / Статистика и аналитика / Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 07.09.2020).

ствам на стадии приготовления или покушения. И если на стадии покушения лицо уже приступает к выполнению объективной стороны запрещенного уголовным законом деяния, то на стадии приготовления лицо не совершает тех действий или бездействия, которые предусмотрены соответствующей нормой Особенной части УК РФ. Данный факт указывает на ряд юридически значимых признаков неоконченного преступления, прерванного на стадии приготовления, которые не соответствуют базовым началам содержания преступления и основания уголовной ответственности.

Во-первых, общественная опасность как признак преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 14 УК РФ, в приготовительных действиях отсутствует. Лицо на этом этапе своей деятельности не совершает юридически запрещенных уголовным законом действий, хотя и имеет умысел на совершение преступления в будущем. Подобной характеристики явно недостаточно для установления общественной опасности приготовительных действий.

Во-вторых, основанием уголовной ответственности в соответствии со ст. 8 УК РФ является наличие в деянии всех признаков состава преступления. Анализ действий, совершаемых на стадии приготовления, указывает, что из всех признаков (элементов) состава готовящегося преступления на данном этапе устанавливается только его субъективную сторону. Вследствие этого можно констатировать, по меньшей мере, крайнюю спорность принимаемого решения о наличии в данном случае основания для привлечения лица к уголовной ответственности.

В-третьих, фактическое отсутствие в приготовительном деянии всех признаков состава преступления приводит к необходимости осуществлять квалификацию, основанную на предположении следователя и судьи, что обвиняемый при отсутствии объективных препятствий обязательно совершил бы планируемое преступление. Подобный алгоритм действий является применением уголовного законодательства по аналогии, что противоречит требованиям принципа законности, справедливости, а также презумпции невиновности [29].

В-четвертых, привлечение к уголовной ответственности за приготовительные действия лишает обвиняемого права на осуществление добровольного отказа от преступления (ст. 31 УК РФ), наличие которого исключало бы возможность привлечения к уголовной ответственности. Человек не может им воспользоваться, поскольку уже обвиняется в преступлении, которое не успел совершить от независи-

щих от него обстоятельств. Однако, никто не может утверждать, что лицо не отказалось бы от осуществления преступной деятельности до момента совершения уголовно-наказуемого деяния.

Все перечисленные аргументы свидетельствуют не только о возможности, но и о необходимости осуществления гуманизации уголовного законодательства России путем определения недопустимости привлечения лица к уголовной ответственности за деяния, совершаемые на стадии приготовления к умышленному преступлению.

6. Результаты исследования

1. В целях противодействия преступности в России необходимо предпринять меры для сокращения количества осужденных, в том числе отбывающих наказание в виде лишения свободы. Для этого приблизительно, с 2011 года государственная политика реализуется по направлению гуманизации уголовного законодательства.

2. Основными средствами гуманизации российского уголовного законодательства является введение в действие норм об уголовных наказаниях, альтернативных лишению свободы, а также общее сокращение сроков или размеров наказаний, предусмотренных санкциями статей Особенной части УК РФ. В то же время УК РФ дополняется значительным количеством норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений, относящихся к категории небольшой или средней тяжести. Данные факты свидетельствуют о противоречивости российской уголовной политики и неэффективности законодательной деятельности по противодействию преступности: количество осужденных, отбывающих лишение свободы, к 1 мая 2020 года уменьшилось более чем на треть по сравнению с аналогичным показателем 2011 года, тогда как общее количество зарегистрированных преступлений снизилось только на 16 %.

3. Анализ содержания норм о неоконченном преступлении свидетельствует, что деяния, совершаемые на стадии приготовления, не обладают общественной опасностью, характерной для уголовно-наказуемого деяния. Также при квалификации приготовительных действий осуществляется подмена содержания уголовно-правовой нормы об основании уголовной ответственности и применение уголовного права по аналогии, что является нарушением принципа законности. Это указывает на необходимость осуществления гуманизации уголовного законодательства России путем установления недопустимости уголовной ответственности за деяния, совершаемые на стадии приготовления к преступлению.

7. Выводы (заключение)

Российская политика гуманизации уголовного законодательства может быть успешно реализована, в том числе, путем пересмотра отдельных положений института неоконченного преступления. Во-первых, это касается определения основания ответственности за деяние, прерванное на стадии приготовления к совершению преступления. Во-вторых, существует реальная необходимость в проведении более последовательной дифференциации ответ-

ственности за неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения, с учетом его действительной общественной опасности. В качестве итогового результата законотворческой деятельности можно обозначить отказ от возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение приготовительных действий, если они не образуют самостоятельного состава преступления, а также существенного сокращения размеров и сроков наказаний за неоконченное преступление, прерванное на стадии покушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ismaili K. Contextualizing the Criminal Justice Policy-Making Process / K. Ismaili // *International Criminal Justice Review*. – 2006. – № 3. – P. 255–269. – DOI: 10.1177/0887403405281559.
2. Christie N. Crime Control as Industry: Towards Gulags, Western Style? / N. Christie. – London : Routledge, 1993. – 192 p. – DOI: 10.1017/S0829320100004075.
3. Гуманизация современного уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов и др. ; под общ. ред. В. П. Кашепова. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 336 с.
4. Гаврина А. А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе / А. А. Гаврина // *Журнал российского права*. – 2016. – № 11. – С. 95–106.
5. Гельдибаева М.Х. Криминализация общественно опасных деяний как составное (специальное) направление уголовной политики государства / М.Х. Гельдибаева, И.Д. Мальцагов // *Юридическая мысль*. – 2006. – № 6. – С. 89–95.
6. Громов В.Г. О политике уголовных наказаний в России / В.Г. Громов // *Правовая культура*. – 2006. – № 1. – С. 120–124.
7. Goulette N.W. Criminal Justice Practitioners' Perceptions of Collateral Consequences of Criminal Conviction on Offenders / N.W. Goulette, A.K. Reitler, J. Frank et al. // *Criminal Justice Review*. – 2014. – Vol. 39, № 3. – P. 290–304. – DOI: 10.1177/0734016814526752.
8. Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права / Г.Ю. Лесников // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. – 2008. – № 8. – С. 73–76.
9. Мусаелян М.Ф. Развитие альтернативных лишению свободы наказаний – важнейшее направление гуманизации уголовно-исполнительной политики / М.Ф. Мусаелян // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. – 2011. – № 1. – С. 15–17.
10. Смоляров М.В. Реформирование уголовно-исполнительной системы России в истории страны и на современном этапе / М.В. Смоляров // *Актуальные проблемы российского права*. – 2015. – № 7. – С. 131–136.
11. Амутинов А.А. Проблемы естественно-латентной преступности (по материалам Республики Дагестан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Амутинов. – Махачкала, 2004. – 21 с.
12. Гончарова М.В. Преступность в России: аспекты латентности / М.В. Гончарова // *Российский следователь*. – 2005. – № 11. – С. 35–36.
13. Латышева Л.А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.А. Латышева. – Екатеринбург, 2015. – 29 с.
14. Михайлов А.Н. Организация и функционирование психологической службы уголовно-исполнительной системы в условиях реформирования / А.Н. Михайлов, Ф.И. Ушков // *Вестник института: преступление, наказание, исправление*. – 2017. – № 1. – С. 72–75.
15. Алексеев А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. – М. : Норма, 2006. – 144 с.
16. Лопашенко Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.

17. Кибальник А.Г. Уголовный кодекс РФ: двенадцатый год деградации / А.Г. Кибальник // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 3. – С. 24–35.
18. Волков К.А. Уголовная политика и судебная практика / К.А. Волков // Российский судья. – 2019. – № 2. – С. 34–38.
19. Нечаев А.Д. Основания классификации и виды криминализации и декриминализации / А.Д. Нечаев // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С. 105–114.
20. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в структуре уголовного законодательства: мнение ученого и практика / Б.Я. Гаврилов // Мир юридической науки. – 2017. – № 4. – С. 27–31.
21. Рогова Е.В. Социальная обусловленность категории уголовного проступка в современном уголовном праве / Е.В. Рогова // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 3. – С. 70–76.
22. Рапог А.И. Уголовной кодекс России против терроризма / А.И. Рапог // Lex russica. – 2017. – № 4. – С. 155–178.
23. Миненок М.Г. Преступность и ее предупреждение: реальность и фикция / М.Г. Миненок // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – № 9. – С. 73–81.
24. West M.P. Book Review: Unfair: The new science of criminal injustice / M.P. West, J.L. Lanterman // Criminal Justice Review. – 2016. – Vol. 42, no. 1. – P. 101–103. DOI: 10.1177/0734016816658519.
25. Скобелин С.Ю. Тенденции уголовно-исполнительной политики России начала XXI века / С.Ю. Скобелин // LEX RUSSICA. – 2016. – № 4. – С. 124–136.
26. Идрисов И.Т. Прогрессивная система альтернативных наказаний, связанных с трудовым воздействием / И.Т. Идрисов // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11-1. – С. 129–134.
27. Khodadi A., Reza Salimi M. Iran's Penal Policy for Incomplete Crimes / A. Khodadi, M.Reza Salimi // International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding. – 2019. – Vol. 6, no. 4. – P. 623–634. – DOI: 10.18415/ijmmu.v6i4.1223.
28. Лапшин В.Ф. Юридическая обоснованность криминализации preparatory actions / В.Ф. Лапшин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 4. – С. 24–31.
29. Popa R.A. Aspects of guilty plea and procedure of guilt admittance, new judicial institutions for a criminal trial of higher quality / R.A. Popa // Lex ET Scientia International Journal. – 2017. – № 2. – P. 103–109.

REFERENCES

1. Ismaili K. Contextualizing the Criminal Justice Policy-Making Process. *International Criminal Justice Review*, 2006, no. 3, pp. 255–269. DOI: 10.1177/0887403405281559.
2. Christie N. *Crime Control as Industry: Towards Gulags, Western Style?* London, Routledge, 1993. 192 pp. DOI: 10.1017/S0829320100004075.
3. Kashepov V.P. (ed.). *Humanization of modern criminal legislation*. Moscow, INFRA-M Publ., 2015. 336 p. (In Russ.).
4. Gavrina A.A. Trends in the development of criminal legislation at the present stage. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 11, pp. 95–106. (In Russ.).
5. Gel'dibaeva M.Kh., Mal'tsagov I.D. Criminalization of socially dangerous acts as an integral (special) direction of the state's criminal policy. *Yuridicheskaya mysl'*, 2006, no. 6, pp. 89-95. (In Russ.).
6. Gromov V.G. On the policy of criminal punishment in Russia. *Pravovaya kul'tura*, 2006, no. 1, pp. 120-124. (In Russ.).
7. Goulette N.W., Reitler A.K., Frank J. et al. Criminal Justice Practitioners' Perceptions of Collateral Consequences of Criminal Conviction on Offenders. *Criminal Justice Review*, 2014, vol. 39, no. 3, pp. 290–304. DOI: 10.1177/0734016814526752.
8. Lesnikov G.Yu. Problems of correlation between criminal policy and criminal law. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Belgorod State University scientific bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 2008, no. 8, pp. 73-76. (In Russ.).
9. Musaelyan M.F. Development of punishments alternative to imprisonment is the most important direction of humanization of the penal policy. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executive System: law, economy, management*, 2011, no 1, pp. 15-17. (In Russ.).

10. Smolyarov M.V. Reforming the penal system in Russia in the history of the country and at the present stage. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 7, pp. 131-136. (In Russ.).
11. Amutinov A.A. Problems of natural latent criminality (based on the materials of the Republic of Dagestan). Cand. Diss. Thesis. Makhachkala, 2004. 21 p. (In Russ.).
12. Goncharova M.V. Crime in Russia: aspects of latency. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian Investigator*, 2005, no. 11, pp. 35-36. (In Russ.).
13. Latysheva L.A. Problems of resocialization of prisoners sentenced to imprisonment: penal and criminological aspects. Cand. Diss. Thesis. Ekaterinburg, 2015. 29 p. (In Russ.).
14. Mikhaylov A.N., Ushkov F.I. Organization and functioning of the psychological service of the penal system in the context of reform. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2017, no 1, pp. 72-75. (In Russ.).
15. Alekseev A.I., Ovchinskiy V.S., Pobegaylo E.F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. Moscow, Norma Publ., 2006. 144 p. (In Russ.).
16. Lopashenko N. A. Criminal policy. Moscow, Wolters Kluwer, 2009. 608 p. (In Russ.).
17. Kibal'nik A. G. The Criminal Code of the Russian Federation: the twelfth year of degradation. *Biblioteka kriminalista*, 2014, no. 3, pp. 24-35. (In Russ.).
18. Volkov K. A. Criminal Policy and Judicial Practice. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2019, no. 2, pp. 34-38. (In Russ.).
19. Nechaev A.D. Basis for classification and types of criminalization and decriminalization. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 6, pp. 105-114. (In Russ.).
20. Gavrilov B.Ya. Criminal misconduct in the structure of criminal legislation: the opinion of a scientist and practice. *Mir yuridicheskoi nauki*, 2017, no. 4, pp. 27-31. (In Russ.).
21. Rogova E.V. Social conditionality of the category of criminal offense in modern criminal law. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, 2015, no.3, pp. 70-76. (In Russ.).
22. Rarog A.I. Russian Criminal Code against Terrorism. *Lex russica*, 2017, no. 4, pp. 155-178. (In Russ.).
23. Minenok M. G. Crime and its prevention: reality and fiction. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta = IKBFU's Vestnik*, 2012, no. 9, pp. 73-81. (In Russ.).
24. West M.P., Lanterman J.L. Book Review: Unfair: The new science of criminal injustice. *Criminal Justice Review*, 2016, vol. 42, no. 1, pp. 101-103. DOI: 10.1177/0734016816658519.
25. Skobelin S. Yu. Trends in Russia's criminal executive policy at the beginning of the 21st century. *Lex russica*, 2016, no. 4, pp. 124-136. (In Russ.).
26. Idrisov I.T. Progressive system of alternative punishments related to labor impact. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Samara State University*, 2014, no. 11-1, pp. 129-134. (In Russ.).
27. Khodadi A., Reza Salimi M. Iran's Penal Policy for Incomplete Crimes. *International Journal of Multicultural and Multireligious Understanding*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 623-634. DOI: 10.18415/ijmmu.v6i4.1223.
28. Lapshin V.F. Legal validity of criminalization of preparatory actions. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula state university. Economic and legal sciences*, 2019, no. 4, pp. 24-31. (In Russ.).
29. Popa R.A. Aspects of guilty plea and procedure of guilt admittance, new judicial institutions for a criminal trial of higher quality. *Lex ET Scientia International Journal*, 2017, no. 2, pp. 103-109.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лапшин Валерий Фёдорович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса
Югорский государственный университет
628007, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16
E-mail: kapitan-44@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8549-6305

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Valeriy F. Lapshin – Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Department of Criminal Law and Criminal Procedure
Yugra State University
16, Chekhova ul., Khanty-Mansiysk, 628007, Russia
E-mail: kapitan-44@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8549-6305

Килимбаев Роман Валерьевич – преподаватель
кафедры философии и истории
Академия ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1
E-mail: romankilimbaev@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 4903-2326; AuthorID: 863204

Roman V. Kilimbaev – lecturer of the Department of
Philosophy and History
*The Academy of the Federal Penitentiary Service of
Russia*
1, Sennaya ul., Ryazan, 390000, Russia
RSCI SPIN-code: 4903-2326; AuthorID: 863204

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лапшин В.Ф. Неоконченное преступление как
объект гуманизации российского уголовного законо-
дательства / В.Ф. Лапшин, Р.В. Килимбаев //
Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 173–
184. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(1).173-184.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lapshin V.F., Kilimbaev R.V. Incomplete crime as an
object of humanization of the Russian criminal legis-
lation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*,
2021, vol. 5, no. 1, pp. 173–184. DOI: 10.52468/
2542-1514.2021.5(1).173-184. (In Russ.).